

УДК 792.82:929
ББК 85.335.42(3)-8
Б14

Дизайн обложки *Дмитрия Агапонова*

Фотография на обложке
предоставлена фотоагентством *Getty Images*

В оформлении издания использованы фотоматериалы из архива
Башкирского государственного театра оперы и балета

Баганова, Мария

Б14   Рудольф Нуреев / М. Баганова. — Москва: Издательство
АСТ, 2023. — 320 с.; илл. — (Биография эпохи).

ISBN 978-5-17-155995-3

Рудольф Нуреев принадлежал к редкому типу людей, способных изменять мир вокруг. Можно по-разному оценивать его вклад в искусство танца, но нельзя не признать, что без Нуреева не было бы современного балета. Он привнес в классическое искусство живое человеческое чувство. Одним из первых мужчин-танцовщиков он начал использовать приемы женского танца. Его жизнь была соткана из противоречий, а судьба напоминала историю Золушки: мальчик из бедной семьи стал мировой знаменитостью. Он пережил свою славу, отказываясь уйти со сцены, даже когда сил на танец уже не оставалось, прожил короткую, но яркую жизнь, став одной из первых жертв эпидемии СПИДа.

Самая полная и яркая биография танцовщика рассказывает не только о его бурной личной жизни, но и о главном романе его жизни — романе с танцем.

УДК 792.82:929
ББК 85.335.42(3)-8

ISBN 978-5-17-155995-3

© Башкирский государственный театр
оперы и балета, фото, 2023
© М. Баганова, текст, 2023
© Издательство АСТ, 2023

Рудольф Нуреев. Избранные цитаты

«Танцуйте с нахальством. Не сдерживайте себя! Робость никому не интересна. Если вы робки, вас съест ваш костюм и декорации. Овладейте сценой и командуйте ею! У вас есть талант, так отдайте ему себя! Публика приходит в театр, чтобы увидеть людей, одержимых тем, что они делают».

«Я не могу точно определить, что значит для меня быть татариним, а не русским, но я в себе ощущаю эту разницу. Наша татарская кровь течет как-то быстрее и готова вскипеть всегда. И, однако, мне представляется, что мы более вялые, чем русские, более чувственные; в нас некая азиатская мягкость и вместе с тем горячность наших предков, этих великолепных художавых всадников. Мы — странная смесь нежности и грубости, сочетание, которое редко встречается у русских; вероятно, именно поэтому я обнаружил такую близость со многими героями Достоевского. Татары быстро воспаляются,

быстро лезут в драку. Они самонадеянные, но в то же самое время страстные, а временами хитрые, как лисы. Татарин — хороший комплекс звериных черт, — и это то, что есть я».

«Мариинский, Кировский театр! Магические слова для всех любителей балета от Англии до Японии, от Египта до Аргентины. Это гораздо больше, чем просто замечательный театр в большом городе, это еще и исторический центр благодаря своей великой школе, чей необычайно высокий уровень классического совершенства в прошлом еще и сейчас оказывает свое влияние на весь балет. Школа, которая воспитала таких гениев, как Павлова, Трефилова, Спесивцева, Карсавина, Ваганова, Уланова... Фокин, Нижинский, Ермолаев, Чабукиани, Баланчин... — вчерашние и сегодняшние мастера международного балета. И школа, и труппа были созданы, когда Санкт-Петербургу было еще только 36 лет, в 1788 г., ровно за сто пятьдесят лет до моего рождения».

«Я всегда был склонен к... болезненным припадкам депрессии. И мне всегда было очень трудно выходить из такого состояния».

«Многие танцовщики стараются созерцать себя в танце, в то время как я стараюсь отдать себя всего зрителю, наполнить полной мерой внешнюю форму балета внутренней жизнью и чувством».

«Для меня произведение искусства — это что-то живое, быть верным духу произведения, по-моему, гораздо важнее, чем быть точным, потому что это, может быть, на самом деле и менее точно, так как при этом можно быть совсем неточным в отношении общего первоначального замысла».

«В моем решении остаться на Западе не было никакой политической идеи, а только личные затруднительные обстоятельства. Я знаю, что люди с моим характером индивидуалиста нелегко приспосабливаются к труппе. Прежде всего я ценю уверенность в своих собственных силах и личную независимость. Без этого я не могу уважать себя. И в этом все».

«Я не хотел, чтобы мне сказали, где мое надлежащее будущее и какой путь считать правильным. Я хочу постараться сам найти его для себя. Это то, что я понимаю под свободой».

«Все, в чем я смог увидеть Павлову* уже в первый год моих занятий в Ленинградской балетной школе, — это старый затасканный фильм, примитивно заснятый. Она исполняет в нем “Ночь” Рубинштейна. Но я не видел ничего, что могло бы с этим сравниться, такие жесты, такие совершенные по красоте линии — чистое ИСКУССТВО.

---

* Павлова Анна Павловна — русская артистка балета, прима-балерина Мариинского театра в 1906–1913 годах, одна из величайших балерин XX века.

Она говорила всем своим телом, переводя музыку Рубинштейна в прозрачные лирические движения. Мне трудно подобрать слова, чтобы описать это впечатление изысканности, такого безупречного совершенства, нечеловеческой красоты. И только подумайте, что фильм был сделан уже в конце ее жизни. Это было так трогательно, что вы чувствовали себя, как если бы кто-то мягко схватил бы вас прямо за сердце — особая острая боль».

«На сцене и в кино я романтик. Но в реальной жизни я практик и прагматик. И совсем не сентиментален...»

«Надо все испытать, даже с риском ошибиться. Любой опыт благотворен, плохой он или хороший».

«Танцовщик подобен инструменту, на котором надо уметь играть все, и современный танец — это расширение моих собственных границ».

«Мы всегда одиноки, несмотря на дружбу и встречи; двенадцать лет, проведенные в Лондоне, были пустыней одиночества».

«На сцене главное — это кордебалет. Без него нет и не может быть звезды».

«Все хореографы и танцовщики каждое утро должны молиться трем композиторам — Чайковскому,

Прокофьеву и Стравинскому. Ведь благодаря этой триаде балет стал искусством».

«Спасибо Баланчину! Он создал американский балет. Баланчин очень увлекался мюзик-холлом. Из этого жанра он взял какие-то движения и формы и придумал новый танцевальный язык. Иную лексику после него создал Вилли Форсайт*. Он внес в классический танец стиль диско. Есть Иржи Килиан**, у которого, я сказал бы, самые “золотые” уши. Он превращает метафоры в движения. Килиан слышит музыку и видит движения. Пол Тейлор тоже новатор танца. Будущее танца — в тех гениях, которые придумают новый язык».

«В Лондоне на мои спектакли приходила сама Тамара Карсавина, она была прима, 16 лет оттанцевала в Мариинском театре, работала с Фокиным, попала на Запад, благодаря Русским сезонам. Она участвовала в них 10 лет. Карсавина не воспринималась ни мной, ни другими как эмигрантка, ее жизнь была вполне английская. Авторитет этой балерины на Западе был огромен — она в течение 17 лет была вице-президентом Королевской академии танца в Лондоне. Карсавина приходила на мои спектакли, и это было признание меня как артиста».

---

* Уильям Форсайт — американский хореограф, основавший труппу *Dresden Frankfurt Dance Company* — ансамбль современного танца.

** Чешский танцовщик и хореограф. Директор и хореограф Нидерландского театра танца.

Рудольф Нуреев

«Жениться нужно на самом себе. Если у вас развод с самим собой, ничто не сделает вас счастливым. Ни деньги, ни награды, ни семьи...»

«Человек “позван” быть артистом балета свыше. Это — призвание. Он не может растрачивать свою энергию по пустякам. Нужно использовать ее, не теряя ни крошки. Нельзя торговаться, манипулировать, так как тебя всегда догонят на повороте, и карьера обрывается. Нужно без конца выкладываться полностью. Если я менее напрягаюсь на каком-то спектакле, следующий будет еще слабее. Нужно всегда танцевать сполна, на каждом представлении».

«Любовь — это бег через препятствия к смерти».

«Никогда не оглядывайся назад, иначе свалишься с лестницы».

«Жизнь — это бесконечный труд, который служит твоему успеху, а вкус успеха дороже всего».

«Умирать — это так весело!»

Пролог

О Рудольфе Нурееве написано очень много. Пожалуй, больше, чем о ком-либо в мире балета. Его жизнь была соткана из противоречий, а судьба его напоминала историю Золушки: мальчик из бедной семьи стал мировой знаменитостью. Но даже будучи миллионером, он скупился платить за себя в ресторанах. На сцене он выглядел галантным романтическим принцем, а за кулисами грязно ругался и даже бил своих партнерш. Он хамил коллегам, скандалил, но вредил больше всего самому себе, будучи совершенно неискушенным в закулисных интригах. Объявленный в СССР «изменником Родины», заочно приговоренный к тюремному заключению, он ни разу не позволил себе отрицательно высказаться о советском строе, и главное, — о советских людях. Проявляя недюжинную смелость, он танцевал, невзирая на травмы, выходил на сцену в бинтах, с воспаленными суставами, преодолевая сильную боль, однако легко мог залиться слезами из-за грубости друга. Страдая сильнейшей аэрофобией, он то и дело перелетал из страны в страну, с континента на континент.

В течение двадцати лет Рудольф Нуреев был объектом поклонения миллионов, а сам мучился от одиночества и недостатка внимания. В него были без памяти влюблены тысячи женщин, хотя он был открытым геем. Его жизнь изобиловала сексуальными приключениями, но была крайне скудна любовью. Нуреев оставил нам множество балетных постановок и кинозаписей своих выступлений, но не решившись вовремя уйти со сцены, пережил свою славу и стал объектом насмешек бесцеремонных журналистов.

Биографы разобрали по деталям все шокирующие подробности его жизни, все бесчисленные скандалы, с ним связанные, все его романы и интриги. Пожалуй, сейчас уже невозможно сказать ничего нового на тему «Нуреев в личной жизни», поэтому главным объектом внимания данной книги стала другая сторона его биографии — балеты, в которых он участвовал, люди, с которыми он был знаком, и время, в котором он жил. «Времена не выбирают, в них живут и умирают», — сказал поэт*. На долю Нуреева выпали сороковые-роковые**, оптимистические пятидесятые, дерзкие шестидесятые, яркие семидесятые и восьмидесятые, когда безудержный гедонизм прошлых лет сменился горьким осознанием бренности бытия... Судьба сводила его с величайшими хореографами XX века, с выдающимися балетными танцовщиками. Он выступал в балетах, которые становились знаковыми событиями в истории современного искусства, и сам создавал подобные постановки.

---

* Александр Кушнер.

** Автор выражения, ставшего крылатым, — поэт Давид Самойлов.

Глава первая. Жизнь в СССР

Семья

Начинался 1938 год. Это было непростое и напряженное время.

Уже чувствовалось приближение Второй мировой войны. В Германии креп фашизм, репрессиям подвергались евреи.

В ночь на 13 марта германские войска перешли границу с Австрией, готовился аншлюс Австрии и оккупация Чехословакии. Уже многие страны подписали с воинственной Германией договоры о ненападении, готовился подписать его и СССР, но, увы, это было лишь отсрочкой трагедии.

Не было спокойствия и на границе с Маньчжурией. То и дело японские и маньчжурские силы нарушали границу, провоцировали боевые столкновения

Не все ладилось и внутри страны. Полным ходом шла индустриализация: строились новые заводы и фабрики, а вот коллективизация, зачастую насильственная,

вызывала сопротивление крестьян. Прошедший 1937 год вошел в историю как год Большого террора. Жертвами репрессий стали как представители элиты общества, так и простые граждане. По оценкам исследователей, пострадали более полутора миллионов человек. Ужесточались законы, которые стали поистине драконовскими: опоздание больше чем на 20 минут считалось за прогул, за три прогула — увольняли.

Проводились партийные чистки и чистки в армии. Нещадно увольняли и судили бывших командиров царской армии. По фальсифицированным обвинениям были осуждены более нескольких тысяч человек, а то и десятки тысяч. Газеты писали про «заговор военных».

Писали они и об открытии 1-й сессии Верховного Совета СССР, публиковали речь товарища Сталина, сообщали своим читателям об экспедиции Папанина, о летчиках, вылетевших на помощь дрейфующим на льдине полярникам, о крушении дирижабля, спешившего на выручку папанинцам, об открытии первых опытных телевизионных центров...

Пассажиры поезда, спешившего из Иркутска во Владивосток, коротали время, обсуждая последние новости. Обсуждали осторожно: за неосторожное словцо можно было и срок схлопотать.

Другие не участвовали в общем разговоре, любясь пейзажами. Да и было на что посмотреть! Ведь поезд мчался по Транссибу — легендарной магистрали, пересекающей всю Сибирь. Это одна из самых

живописных в мире железных дорог. Поезд проходил мощные мосты, перекинутые через полноводные реки, прорубленные в горах тоннели. Только на Кругобайкальской железной дороге этих тоннелей — аж сорок штук. Да в придачу еще полсотни галерей, защищающих пути от обвалов и оползней. В 1938 году люди помнили, какие драматические события, ожесточенные бои развернулись здесь во время недавней Гражданской войны — то и дело встречались по пути братские могилы.

Среди пассажиров была молодая женщина — с тремя маленькими детьми и снова беременная. Звали ее Фарида Аглиулловна Нуреева, в девичестве Идрисова. Она спешила к мужу — партийному работнику Хамету Фазлиевичу Нурееву.

Происходил он из татарских крестьян бедного села Асаново Шариповской волости Уфимского уезда*. Оно расположено на берегу реки Кармасан, а название села говорит само за себя: «ас» по-башкирски — голодный.

Отца Хамета Нуреева звали Нурахмет Фазлиевич Фазлиев.

То, как Фазлиевы превратились в Нуреевых, объясняют по-разному. Одни говорят, что какой-то чиновник, не спросив фамилию, записал ребенка по имени отца: Нури — это сокращенное от Нурахмет. Сам Фазлиев был неграмотным и не смог его поправить.

---

* Ныне Кушнаренковский район Республики Башкортостан.

Другие объясняют, что это была инициатива самого Хамета: он принял первую часть имени отца «Нур» в качестве фамилии. «Нур» по-татарски означает «луч» или «свет», и новая фамилия получилась красивой, созвучной времени. Старую же фамилию Хамет сохранил в качестве отчества.

Несмотря на нищету, Фазлиевы-Нуреевы были людьми гордыми, и род свой возводили ни много ни мало к самому Чингисхану. Поэтому небезразлично относились они и к образованию своих детей: в детстве Хамет посещал медресе — мусульманскую церковную школу, где его научили считать и писать — по-арабски, по-татарски и по-русски.

На момент Октябрьской революции Хамету исполнилось уже 14 лет. Это сейчас мы бы назвали его ребенком, но для татарского бедняка то был вполне сознательный возраст. Революцию он принял с радостью. Советская власть дала Хамету возможность покинуть глухую деревню, выбиться в люди.

Хамет был человеком нового времени, идейным: он работал в совхозе, был призван в Красную армию, прошел подготовку в Казанской Объединенной татаро-башкирской военной школе. Затем получил гражданскую специальность — счетовод. В 1928 году вступил в ВКП(б).

Будучи еще курсантом, Хамет познакомился с юной Фаридой Аглиуллиной Идрисовой — девушкой из такой же, как и у него, бедной крестьянской семьи, только из Казанской губернии и по национальности —

башкиркой. Фарида была сиротой: ее родители умерли от тифа и недоедания в 1921 году. В живых оставался только ее старший брат, живший в Казани. К нему и переехала Фарида. Существовала она на положении бедной родственницы, в семье своего брата ей помыкали как батрачкой. Но Фарида не сломалась! Она была сильной женщиной, мечтавшей о лучшем будущем: посещала медресе, научилась читать и писать, готовилась к поступлению на педагогические курсы.

В 1929 году Фарида и Хамет зарегистрировали брак. Невесте был 21 год, жениху — 25 лет. Писарь при оформлении документов ошибся и записал их фамилию как «Нуреевы».

Судя по старым фотографиям, они были красивой парой, к тому же Фарида отлично пела и танцевала — и это очень нравилось Хамету.

Женившись, Хамет продолжил учебу. Он договорился с женой так: сначала она работает пока он учится, а потом он будет содержать семью, пока она выучится на педагога (именно об этом мечтала Фарида). Но ее мечта не сбылась: Фарида оказалась на редкость плодовита, и об образовании пришлось забыть.

Один за другим у нее рождались дети — все девочки: Роза, Лилия, Разида... Потом пришла беда: Лилия заболела менингитом. Врачи сумели ее выводить, но девочка потеряла слух.

Но все же Фарида и Хамет были людьми восточными. А для восточной семьи главное — иметь сына! О сыне мечтал Хамет, хмурясь при рождении очередной девоч-

ки. О сыне втайне молилась Фарида, боясь так и остаться «матерью ветра» — так тогда называли женщин, рожавших только дочерей.

Примерно через год после свадьбы Нуреевы уехали из Казани в родное село Хамета Асаново, которое теперь было переименовано в Кушнарженково — в честь начальника политотдела Башнаркомзема по фамилии Кушниренко.

В селе им выделили комнату в доме, ранее принадлежавшем местному кулаку, сосланному новыми властями в Сибирь. Хамет Нуреев стал работать в совхозе «Кармасан». Его выбрали заместителем председателя профсоюзного совета, затем назначили пропагандистом. Хамет искренне верил в советские идеалы. Он был образцовым партийным работником: о личном обогащении не заботился, за выгодой не гнался, беспрекословно ехал работать туда, куда посылала партия, не отговариваясь ни семьей, ни больной дочкой...

Но все же Хамету было неудобно возить за собой детей, поэтому Фарида с маленькими дочерьми часто и надолго оставалась одна. В 1937 году его призвали из запаса в Красную армию политруком. В январе 1938-го отправили служить в Приморский край в 32-й легкий артиллерийский полк, базировавшийся близ Владивостока в небольшом селе.

Фарида скучала без любимого супруга. Поэтому, находясь уже на сносях, она, собрав детей и скудный багаж, села в Уфе на поезд и отправилась на Дальний Восток к месту новой службы мужа.